

В своей рубрике «Уроки истории» мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с книгой Владимира Слабуки «95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы», выпущенной издательством «Русский остров» (г. Владивосток).

Деятельность органов безопасности на Камчатке неразрывно связана с историей полуострова – северо-восточного форта России. Близость границы накладывает свой отпечаток. Рассказывая о службе чекистов, автор раскрывает подробности событий, в разные годы происходивших на полуострове. Большая их часть не была известна даже историкам-краеоведам. Сборник очерков, написанных живым и понятным языком, наверняка заинтересует жителей Камчатского края.

Фрагменты книги, относящиеся непосредственно к истории Камчатского полуострова, мы публикуем на страницах нашей газеты.

(Продолжение. Начало в № 22 (200) от 11.07.2018)

Глава 1

От жандармской пешей команды – до губернского отдела ГПУ

Судя по всему, П. А. Столыпин записку амурского генерал-губернатора прочитал. В известной речи, произнесенной 31 марта 1908 года перед депутатами Государственной думы, он скажет: «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию... На нашей далекой окраине – на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело...»

Уязвимой стороной российской государственной машины, может быть, за исключением нескольких непродолжительных исторических периодов, остается ее неторопливость в

решении даже очевидных и актуальных проблем. Столыпин сумеет добиться выделения Камчатки, Чукотки и Охотского побережья в особую административную единицу Российской империи – Камчатскую область – только в 1909 году. К этому времени во всем огромном регионе не существовало ни одного жандарма, полностью отсутствовала пограничная стража. Имелась казачья команда, состоявшая из пятидесяти человек, рассредоточенная по Камчатке, Командорским островам и Чукотке.

Первый городской в Петропавловске появился в 1910 году как вынужденная мера на резкий взлет преступности после выделения Камчатки в особую область. С появлением губернатора и штата чиновников возникла потребность в строительстве жилых и общественных зданий. Местное население, привыкшее к рыбалке и охоте, крайне неохотно занималось другими видами деятельности. Не прельщало их даже высокое жалование на строительстве. Пришлось завозить рабочую силу с материка. Отправляться по морю на «край земли» соглашался не самый лучший человеческий материал. Патриархальный городишко, насчитывавший к началу 1909 года около 600 человек, стал быстро наполняться чужаками. В Петропавловске участились грабежи и убийства, штат полиции пришлось увеличить.

Сосредоточившись всецело на борьбе с уголовными преступлениями, полиция не вмешивалась в конфликты местного населения с работающими на сезонных промыслах японцами и уж тем более не следила за соблюдением иностранными подданными законов Российской империи. В водах Камчатки постоянно находились несколько кораблей Страны восходящего солнца, готовых оказать своим соотечественникам вооруженную помощь. Администрация японских заводов, их охрана, несмотря на существующие запреты, имели нарезное оружие, про которое, когда поступали редкие протесты российских властей, говорилось, что оно «предназначено для охоты». Причем такая ситуация оказалась характерной не только для Камчатской губернии, но и для Сахалина.

На Чукотке почти безраздельно хозяйничали американские торговцы и их канадско-британские коллеги. Находившиеся здесь четыре полицейских стражника, располагавших крохотной шхуной, развивавшей скорость до четырех узлов, ситуацию контролировать не могли. А те редкие случаи, когда они вмешивались в дела американских торговцев, вовсе не гарантировали торжества российских законов.

21 июля 1913 года губернатор Камчатской области Н. В. Мономахов направил в Департамент полиции его руководителю С. П. Белецкому письмо, в котором добивался выделения полицейскому стражнику Семену Сотникову, получившему тяжелое ранение

в схватке с американскими контрабандистами, «награды – пособия в размере одной тысячи рублей... дабы стражники Чукотского уезда, находящиеся в особо тяжелых условиях жизни и службы, видели, что в случае какого-либо с ними несчастья ни они, ни их, в случае их смерти, семьи не останутся без материальной поддержки...»

Инцидент произошел вблизи стойбища Наукан 21 мая 1913 года. К чукотскому берегу в этот день подошла американская шхуна. Узнав о ее появлении, Семен Сотников решил проверить привезенные янки товары. В Наукане стражнику с помощью чукчей удалось быстро отыскать место, возле которого американское судно встало на якорь. Отправляясь к американцам, Сотников, зная, чем иногда заканчиваются подобные встречи, захватил с собой карабин.

Добравшись по береговому припаю до шхуны, стражник не без радости для себя узнал то самое судно, которое в прошлом году по всему чукотскому берегу торговало спиртом, и за которым он безуспешно гонялся до конца навигации. Носило оно красноречивое название – «Морской волк». Судно бросило якорь у самого льда, что позволяло местным жителям беспрепятственно подниматься на борт.

На палубе шхуны толпились более двух десятков чукчей обоих полов, некоторые уже навеселе. Увидев Сотникова, имевшего славу «сердитого начальника», посетители поспешили покинуть судно.

На шхуне стражник среди ее команды – пяти белых американцев и одного эскимоса – встретил знакомого ему матроса Макса Голштака, сносно говорившего по-русски. Через него он и спросил у хозяина и капитана судна Лео Ватенберда, имеет ли шхуна разрешение на торговлю, выданное русским правительством? Тот ответил, что сейчас принесет документы, и удалился в кормовую каюту.

В ожидании капитана Сотников подошел к стоявшей на палубе бочке, намереваясь проверить, чем она наполнена. Для этого ему пришлось повернуться спиной к американским морякам, и в этот момент кто-то выстрелил из револьвера в стражника. Сотников упал. К нему подошел Голштак и зло крикнул: «Убирайся на берег, свинья!» Но едва Сотников попытался подняться на ноги, как моряк нанес ему сильный удар в грудь, сбросивший Семена в узкую полоску воды между шхуной и льдом. Никто на помощь стражнику не поспешил.

Каким-то чудом раненому Сотникову удалось выбраться на лед. Оставляя кровавый след, шатающейся походкой он побрел к берегу, время от времени оглядываясь на шхуну. У ее борта стоял с винчестером Голштак.

Втянувший голову в плечи Сотников ждал, что янки вот-вот выстрелит.

Американец не выстрелил. Наверное, считал, что русскому и так не выжить.

Действительно, Сотников оказался на волосок от гибели. Сутки он пролежал в Наукане, не получая никакой помощи от местных чукчей, опасавшихся мести американцев. Только когда шхуна отошла от берега, один из жителей Наукана довез стражника до мыса Дежнева, где капитан другой американской шхуны, попавшей прошлой осенью в ледовый плен, мистер Веддингтон извлек из спины Сотникова револьверную пулю.

Узнав о происшествии, начальник Чукотского уезда барон фон Э. В. Клейст сделал все от него зависящее, чтобы доставить Сотникова вначале в бухту Провидения, а затем и в Петропавловск, где стражника кое-как подлечили. Клейст постарался по горячим следам задержать разбойничью шхуну, даже сумел побывать в Номе, рассказал американским властям о происшествии. Те обещали не оставить преступление без наказания, но слова не сдержали. Тот же Голштак продолжал спаивать население Чукотки и Командорских островов, пока в середине 20-х годов прошлого века во время пирушки в каком-то из кабаков Нома не окончил свой извилистый путь по земле.

Петербургские и московские газеты рассказали о происшествии на далекой Чукотке. Русское либеральное общество встрепелось, словно проспавший зарю петух, в праведном гневном начале вопрошать у правительства: доколе оно будет попустительствовать, – а через пару-тройку недель обо всем забыло.

Министерство иностранных дел, возглавляемое одним из лучших дипломатов последних десятилетий Российской империи С. Д. Сазоновым, также попыталось через правительство Соединенных Штатов добиться наказания преступников, но все

ограничилось дипломатической перепиской с уверениями «в отличном моем почтении и совершенной преданности».

А глава Департамента полиции С. П. Белецкий тысячи рублей для Сотникова не нашел. Согласно его резолюции, «сумму, которую просит губернатор, нельзя дать по состоянию наших финансов, а также и по несоответствию с тем, что сделал стражник. Выдать 350 рублей из уголовного кредита, и как можно скорее». Такое решение представляется тем более удивительным, если учесть, что господин Белецкий и его ведомство располагали громадными суммами.

Учрежденное в 1911 году в Хабаровске контрразведывательное управление военного ведомства оказать какого-либо влияния на северо-восточные окраины империи в силу их отдаленности и слабого транспортного сообщения не могло.

В этих условиях назначенный в 1911 году приамурским генерал-губернатором Николай Львович Гондатти добивается создания на Сахалине и Камчатке пеших жандармских команд. Поскольку комплектование их нижними чинами предусматривалось за счет сибирских стрелковых полков, то об учреждении команд извещал приказ по военному ведомству.

Военный министр Российской империи генерал-адъютант В. А. Сухомлинов в письме приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти 27 апреля 1913 года сообщал: «Военный Совет... положил: упразднить местные команды Сахалинскую – на острове Сахалин и Петропавловскую – на Камчатке и сформировать Сахалинскую и Камчатскую пешие жандармские команды с подчинением таковых на Сахалине и Камчатке начальнику Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги в строевом, инспекторском и хозяйственном отношениях на правах начальника дивизии, а в отношении исполнения этими командами полицейских обязанностей подчинить их по принадлежности губернаторам Сахалинской и Камчатской областей.

Означенное положение Военного Совета в 15-й день февраля сего года удостоилось ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения».

Камчатское подразделение состояло из трех офицеров корпуса жандармов, врача,

вахмистра, нескольких унтер-офицеров сверхсрочной службы и нижних чинов. Общая их численность составляла 126 человек.

От жандармской пешей команды на Камчатке в мирное время требовалось навести порядок в японских промысловых поселках, в том числе, если возникала необходимость, с применением оружия. На нее также возлагались задачи охраны основных государственных и военных объектов, силовой поддержки местной немногочисленной полиции и пограничный контроль пассажиров и команд прибывающих в Петропавловск судов. Последнее направление, как считалось, позволит «противодействовать иностранному шпионству и революционной деятельности».

В случае появления угрозы иностранной интервенции Камчатская жандармская команда разворачивалась в стрелковый батальон с передачей его военному ведомству.

Подчинение Сахалинской и Камчатской команд начальнику Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги, находившемуся во Владивостоке, трудно объяснить. Особенно если учесть, что железных дорог на Камчатке не существовало ни тогда, ни сегодня. Охранные органы на транспорте выполняли совершенно другие задачи, нежели в отдаленных областях империи пешие жандармские команды. И это странное подчинение является одной из причин того, что жандармские подразделения на Камчатке и Сахалине как органы обеспечения государственной безопасности не состоялись.

Планировалось, что Камчатскую жандармскую команду расквартируют в нескольких населенных пунктах области, но реальные условия, а также начавшаяся Первая мировая война не позволили этого сделать. Да и вообще, созданная команда из всех возложенных на нее задач время от времени занималась паспортным контролем пассажиров и команд иностранных судов, а также несла караульную службу и конвоировала задержанных и осужденных подданных Российской империи во Владивосток.

Реальное формирование команды началось спустя несколько месяцев после выхода распоряжения по военному ведомству. 14 сентября 1913 года ротмистр Константин Николаевич Боголовской, потомственный дворянин, участник русско-японской войны, приказом по Отдельному корпусу жандармов назначается начальником Камчатской команды. В ее состав также входят поручики Н. И. Пинегин и П. Г. Птицын. Все три

офицера до этого проходили службу в Варшавском жандармском дивизионе. Нетрудно предположить, что назначение на восточную окраину империи они восприняли без энтузиазма.

Комплектовалась Камчатская пешая команда, как уже сказано выше, из нижних чинов сибирских стрелковых полков и частично Сахалинской местной команды.

Военным ведомством хоть и предписывалось направлять в жандармские команды наиболее благонадежных рядовых и унтер-офицеров, на деле в Отдельный корпус командировали не самых лучших. Так, в принципе, и до сего дня поступает любой командир, получив распоряжение направить подчиненных для комплектования вновь создаваемых частей.

Начальник Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги полковник Андрей Николаевич Меранвиль де Сент-Клер 25 января 1914 года сообщал приамурскому генерал-губернатору: «Поступившие на укомплектование команды из разных частей войск нижние чины действительной службы в большинстве крайне неразвиты умственно, почти не обучены военному делу, плохо владеют оружием и не проникнуты воинским духом».

Случайный подбор личного состава предопределил активное участие оставшихся после 1917 года на Камчатке жандармских нижних чинов в революционном движении. Они составят костяк первого отряда Красной гвардии на полуострове. Судьба многих бывших жандармов хорошо известна. Среди них А. Н. Олейник (Топорков). Его имя присвоено одной из улиц краевого центра. Он в декабре 1917 года совместно с И. Е. Лариным организовал первый Петропавловский городской Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавлял с апреля по июль 1918 года. Затем партизанил в Приморье. После Гражданской войны работал в милиции и прокуратуре, активно участвовал в Великой Отечественной войне.

Бывший вахмистр Камчатской жандармской команды К. А. Куксенко также партизанил на Камчатке. В 20-е годы возглавлял милицию Петропавловска-Камчатского. Правда, органы ОГПУ привлекут Куксенко к уголовной ответственности за нелегальную торговлю пушниной и криминальные связи с китайскими контрабандистами.

Однако вернемся к комплектованию жандармской команды. Во Владивосток, где происходило ее формирование, ротмистр К. Н. Боголовской прибывает только в декабре 1913 года. Ранее на Камчатку с 25 нижними чинами для строительства казармы командируют обер-офицера команды поручика П. Г. Птицына. До сооружения деревянных строений жандармы жили в палатках в районе Култучного озера.

Два других офицера команды – ротмистр К. Н. Боголовской и поручик Н. П. Пинегин доставят остальных членов команды, семьи, продовольствие и строительные материалы в Петропавловск. На Камчатке их застанет известие о начале Первой мировой войны.

Жандармская команда примет участие в эвакуации населения из города осенью 1914 года, когда возникнет опасность подхода к городу базировавшейся в Циндао германской эскадры. На Камчатке немцы якобы намеревались создать военно-морскую базу. Но японцы, выступившие в войне на стороне Антанты, преградили германской эскадре путь на север, и угроза захвата Петропавловска, не имевшего никаких укреплений, миновала. Жители вернулись в город.

[...]

Ротмистр Боголовской 2 апреля 1916 года в рапорте А. Н. Меранвиль де Сент-Клеру с чуждой для деловой переписки лирической грустью описывает службу вверенной ему команды, а также нравы «сливок» камчатского общества. (Документ настолько интересный, что есть смысл остановиться на нем подробнее.)

«...Команда никаких обязанностей полиции не несет и нести не может, ввиду крайне ограниченного населения г. Петропавловска, который только по названию город, по своему же неблагоустройству и беспорядочно раскиданным избушкам он хуже всякого села внутренних губерний; и за отсутствием тех учреждений, где бы в службе ей встречалась надобность.

Между тем этот пункт приказа по Воен[ному] Вед[омству] 1913 года № 129 ввел было в заблуждение местную администрацию, которая поняла, что раз команда подчинена ей в полицейском отношении, то это есть не воинская часть, а полицейская, которая

увеличит штат служащих для личных услуг и комфорта в дополнение ныне состоящих из местных казаков, представляющих из себя тип отживших крепостных...

Вся деятельность команды выражается в выделении от нея городского караула к полицейскому арестному дому (каталажка), где содержатся в среднем не более двух-трех административно арестованных лиц и изредка – присужденных для отправления во Владивосток, которых и конвоируют в последний чины команды; от этого же караула выставляются два поста для охраны казначейства и пост к областному пороховому погребу...

Условия жизни здесь необычны, отсутствие скотоводства, земледелия и огородничества ставит жизнь в зависимость от привоза всех жизненных припасов первой необходимости, портящихся в дороге, чем удорожает их стоимость, и что лишает возможности солдата приобрести на свои скудные средства... зелень, фрукты, лакомства, булки и т. п., и ему поневоле приходится довольствоваться только исключительно пищею, положенною от казны...

Зима 1915 и 1916 гг. отличалась небывалым обилием снега, весь город был занесен до крыш, и местные жители из невозможности брать воду из источников, протекающих ручьёв питались талым снегом. Почти все деревья, посаженные кругом казармы, сломаны снежными пургами.

Никакие учения, гимнастики, маршировки на чистом воздухе невозможны, и единственным занятием солдат на воздухе я делаю два часа в день, и то только тогда, когда хорошая погода, это отгребание из-под снега своей засыпанной казармы...

Выйти из казармы нельзя; да и городская жизнь не развлекает солдат совершенно, им нечего делать в городе, не на что посмотреть, нечем развлечься, нет ни рынков, ни базаров, ни крупных магазинов, ни уличной жизни, даже с родины солдат за это время не имеет вестей...

Для офицерского состава жизнь здесь еще непригляднее. Нижние чины имеют теплую со всеми удобствами казарму, а офицерам приходится ютиться в домах самой примитивной постройки, при 8-градусной температуре в квартире и платить за это

вдвое дороже, чем положено от казны квартирных денег...

В городе отсутствует светская жизнь, нет предметов первой необходимости и нет общества, так как местных чиновников с их семьями нельзя считать за общество, ввиду низкого умственного их развития, неинтеллигентности, отсутствия образования, грубости нравов, при том прожившие здесь несколько лет прямо теряют человеческое достоинство. Да и знакомство они ведут с местными русскими и китайскими торговцами и вообще со всеми, где можно выпить и поиграть в карты, не стесняясь их социальным положением. Этим обществом не гнушаются местные высшие чиновники, но где доступно быть гражданскому чиновнику, там не всегда место офицеру, дорожащему честью своего мундира, так как сборища чиновников всегда кончаются ссорой, доходящею и до драк...»

Продолжение следует